

Иван Бунин

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Зимним холодом пахнуло
На поля и на леса.
Ярким пурпуром зажглись
Пред закатом небеса.
Ночью буря бушевала,
А с рассветом на село,
На пруды, на сад пустынный
Первым снегом понесло.
И сегодня над широкой
Белой скатертью полей
Мы простились с запоздалой
Вереницею гусей.
(1891)

«Волшебница» (пер. С франц. ИС Тургенева)

Жила-была вдова, у которой были две дочери: старшая до того на неё походила и лицом и нравом, что, как говорится, не развёл бы их. Так они были обе горды и неприветливы, что, кажется, никто бы не согласился жить с ними. Младшая, напротив, вышла в отца кротостью и вежливостью, да и сверх того красавица она была необыкновенная. Всякому человеку нравится то, что на него походит, мать была без ума от старшей дочери, а к младшей чувствовала отвращение неодолимое. Она заставляла её работать с утра до вечера и не позволяла ей обедать за столом, а отсылала её в кухню.

И л л ю с т р а ц и я Г ю с т а в а Д о р е .

Два раза в день бедняжка должна была ходить по воду, за три версты от дому, и приносить оттуда большой тяжёлый кувшин, полный доверху. Однажды, в самое то время как она была у колодца, к ней подошла нищая и попросила дать ей напиться. «Изволь, голубушка», отвечала красавица, выполоскала кувшин, зачерпнула воды на самом чистом месте источника и подала ей, а сама поддерживала кувшин рукою, чтоб старушке ловчее было пить. Старушка отпила воды, да и говорит: «Ты такая красавица, и такая притом добрая и вежливая, что я не могу не сделать тебе подарка.» (Старушка эта была волшебница, которая обернулась нищей с тем, чтобы испытать добрый нрав молодой девушки). «И будет мой тебе подарок состоять в том, что всякий раз, как ты промолвишь слово, у тебя изо рта выпадет либо цветок, либо драгоценный камень.»

Красавица возвратилась домой, и мать пустилась её бранить за то, что она так долго промешкала у колодца.

— Извини меня, матушка; я точно немного замешкалась, — отвечала она, — и тут же выронила изо рта две розы, два жемчуга и два больших алмаза.

— Что я вижу! — воскликнула старуха с удивлением, — у неё изо рта валятся жемчуги и алмазы! Откуда тебе эта благодать пришла, дочь моя? (Она её в первый раз от роду назвала дочерью).

Бедняжка чистосердечно всё рассказала, на каждом слове роняя по алмазу.

— Вот как! — возразила вдова. — Так я сейчас пошлю туда же мою дочь. Поди сюда, Груша, посмотри, что падает изо рта у твоей сестры, когда она говорит! Небось и ты бы желала иметь такой же дар? Тебе стоит пойти по воду к источнику, и если нищая тебя попросит воды напиться, исполни её просьбу со всею вежливостью да любезностью.

— Вот еще! — возразила злюка, — такая я, чтобы по воду ходить, как же!

— Я хочу, чтобы ты пошла по воду! — возразила мать, — и сию же минуту.

Она пошла, только всё время ворчала. Она взяла с собою самый красивый серебряный графин, какой только находился у них в доме. Не успела она приблизиться к источнику, как увидела даму чрезвычайно богато одетую, эта дама вышла из леса, подошла к ней и попросила дать ей напиться. Это была та же самая волшебница, которая являлась её сестре, но на этот раз она приняла на себя вид и всю наружность принцессы с тем, чтоб испытать, до какой степени нрав этой девушки был дурен и не приветлив.

— Разве я сюда пришла чтобы поить других! — с грубостью отвечала гордячка, — уж не для тебя ли я принесла из дома этот серебряный графин? Вишь какая барыня! Ты сама рукой зачерпни, коли так тебе пить хочется.

— Какая же ты невежа! — отвечала волшебница спокойным голосом, безо всякого, впрочем, гнева. — Ну, коли ты так со

мною поступила, и я же тебе сделаю подарок — и будет он состоять в том, что при каждом твоём слове у тебя изо рта выпадет змея или жаба.

Мать как только издали завидела свою Грушу, тотчас ей закричала:

— Ну что, дочка?

— Ну что, matka? — отвечала та, и у неё изо рта выскочило две змеи и две жабы.

— О небо! — воскликнула старуха, — что я вижу! Всему причиною сестра — это верно... Ну так постой же! Я ж её!

Она бросилась бить бедняжку, свою вторую дочь, но та убежала и спряталась в соседнем лесу. Царский сын, возвращаясь с охоты, встретил её там, и поражённый её красотой, спросил её, что она делает одна в лесу и зачем плачет.

— Ах, сударь! — отвечала она, — мать прогнала меня из дому, — и при этих словах у неё изо рта выпало несколько жемчугов и алмазов.

Царский сын удивился и тотчас спросил, что это значит? Она рассказала ему своё приключение. Царский сын тут же в неё влюбился и сообразив, что такой дар стоит всякого приданого, взял её во дворец своего отца и женился на ней.

А сестра её до того себя довела, что все её возненавидели и даже собственная мать её прогнала; и несчастная, всеми отверженная, умерла одна в лесу, с горя и с голода.

«СТАРИК ГОДОВИК» В. И. ДАЛЬ

ышел старик годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик годовик второй раз — и полетела вторая тройка.

Снег стал таять, на полях появились цветы.

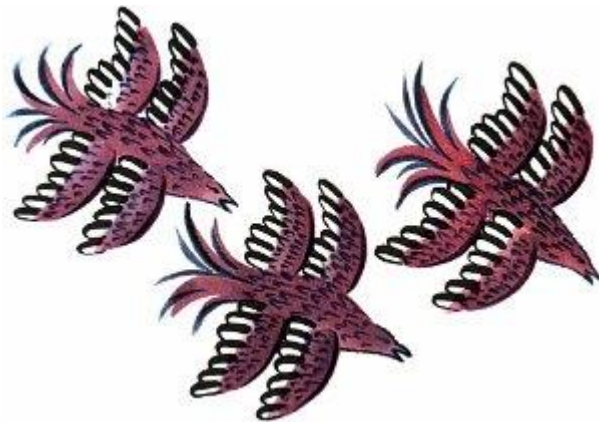
Махнул старик годовик третий раз — полетела третья тройка.

Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик годовик четвертый раз — и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — чёрная. Махнет птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

Что это за птицы вылетели из рукава старика-годовика?

Какие то четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая — чёрная?

Михайлов Михаил Л «Два мороза»

Гуляли по чистому полю два Мороза, два родных брата, с ноги на ногу поскакивали, рукой об руку поколачивали.

Говорит один Мороз другому:

— Братец Мороз — Багровый нос! Как бы нам позабавиться — людей поморозить?

Отвечает ему другой:

— Братец Мороз — Синий нос! Коль людей морозить — не по чистому нам полю гулять. Поле всё снегом занесло, все проезжие дороги замело: никто не пройдёт, не проедет. Побежим-ка лучше к чистому бору! Там хоть и меньше простору, да зато забавы будет больше. Всё нет-нет, да кто-нибудь и встретится по дороге.

Сказано — сделано. Побежали два Мороза, два родных брата, в чистый бор. Бегут, дорогой тешатся: с ноги на ногу попрыгивают, по ёлкам, по сосенкам пощёлкивают. Старый ельник трещит, молодой сосняк поскрипывает. По рыхлому ль снегу пробегут — кора ледяная; былинка ль из-под снега выглядывает, — дунут, словно бисером её всю унижут.

Послышали они с одной стороны колокольчик, а с другой бубенчик: с колокольчиком барин едет, с бубенчиком — мужичок.

Стали Морозы судить да рядить, кому за кем бежать, кому кого морозить.

Мороз — Синий нос, как был помоложе, говорит:

— Мне бы лучше за мужичком погнаться. Его скорей дойму: полушубок старый, заплатанный, шапка вся в дырах, на ногах, кроме лаптишек, — ничего. Он же, никак, дрова рубить едет. А уж ты, братец, как посильнее меня, за барином беги. Видишь, на нём шуба медвежья, шапка лисья, сапоги волчьи. Где уж мне с ним! Не совладаю.

Мороз — Багровый нос только подсмеивается.

— Молод ещё ты, — говорит, — братец!.. Ну, да уж быть, по-твоему. Беги за мужичком, а я побегу за барином. Как сойдёмся под вечер, узнаем, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамест!

— Прощай, братец!

Свистнули, щёлкнули, побежали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистом поле. Спрашивают друг друга — что?

— То-то, я думаю, намаялся ты, братец, с барином-то, — говорит младший, — а толку, глядишь, не вышло никакого. Где его было пронять!

Старший посмеивается себе.

— Эх, — говорит, — братец Мороз — Синий нос, молод ты и прост! Я его так уважил, что он час будет греться — не отогреется.

— А как же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?

— Не помогли. Забрался я к нему и в шубу, и в шапку, и в сапоги, да как начал знобить! Он-то ёжится, он-то жмётся да кутается; думает: дай-ка я ни одним суставом не шевельнусь, авось меня тут мороз не одолеет. Ан не тут-то было! Мне-то это и с руки. Как принялся я за него — чуть живого в городе из повозки выпустил! Ну, а ты что со своим мужичком сделал?

— Эх, братец Мороз — Багровый нос! Плохую ты со мной шутку сшутил, что вовремя не образумил. Думал — заморожу мужика, а вышло — он же отломал мне бока.

— Как так?

— Да вот как. Ехал он, сам ты видел, дрова рубить. Дорогой начал было я его понимать, только он всё не робеет — ещё ругается: такой, говорит, сякой этот мороз. Совсем даже обидно стало; принялся я его ещё пуще щипать да колоть. Только ненадолго была мне эта забава. Приехал он на место, вылез из саней, принялся за топор. Я-то думаю: тут мне сломить его. Забрался к нему под полушубок, давай его язвить. А он-то топором машет, только щепки кругом летят. Стал даже пот его прошибать. Вижу: плохо —

не усидеть мне под полушубком. Под конец инда пар от него повалил. Я прочь поскорее. Думаю: как быть? А мужик всё работает да работает. Чем бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу: скидает с себя полушубок. Обрадовался я. «Погоди же, говорю, вот я тебе покажу себя!» Полушубок весь мокрёхонек. Я в него забрался, заморозил так, что он стал лубок лубком. Надевай-ка теперь, попробуй! Как покончил мужик своё дело да подошёл к полушубку, у меня и сердце взыграло: то-то потешусь! Посмотрел мужик и принялся меня ругать — все слова перебрал, что нет их хуже. «Ругайся, — думаю я себе, — ругайся! А меня всё не выживешь!» Так он бранью не удовольствовался — выбрал полено подлиннее да посучковатее, да как примется по полушубку бить! По полушубку бьёт, а меня всё ругает. Мне бы бежать поскорее, да уж больно я в шерсти-то завяз — выбраться не могу. А он-то колотит, он-то колотит! Насилу я ушёл. Думал, костей не соберу. До сих пор бока ноют. Заклялся я мужиков морозить.

— То-то!

Сергей Есенин

БЕРЕЗА

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.
И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.
[1913]

Зимний вечер А.С. Пушкин

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Сказка «Морозко» (пересказ М. Булатова)

Жил дед да с другой женой. У деда была дочка и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернешься – бита и недовернешься – бита. А родная дочь что ни сделает – за все глядят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела еще до свету... Ничем старухе не угодить – все не так, все худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

– Вези, вези ее, старик, – говорит мужу, – куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь: – Садись, милая дочь, в сани. Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит – невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

– Тепло ли тебе, девица?

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

– Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печет блины и кричит мужу:
– Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места, – под большою елью
сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в
серебре, и около – короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой. А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

– Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

– Не так тьявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

– Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, а собачка – все свое...

Вдруг закрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица – в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый.

Старуха глянула и руки врозь...

– Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит. А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

– Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

– Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.
Чуть свет старуха посылает мужа:

– Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в
злате-серебре... Старик уехал. А собачка под столом:

– Тяф! Тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в
мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

– Не так тывкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка – все свое:

– Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая. Заголосила старуха, да поздно.

И. Никитин

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

(Отрывок)

...Здравствуй, гостыя-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и стенам.

Есть раздолье у нас —
Где уютно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать —
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!..

Иван Суриков

Зима

Белый снег, пушистый
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.
И под утро снегом
Поле забелело,
Точно пеленою
Всё его одело.
Тёмный лес что шапкой
Принакрылся чудной
И заснул под нею
Крепко, непробудно...
Божьи дни коротки,
Солнце светит мало, —
Вот пришли морозцы —
И зима настала.
Труженик-крестьянин
Вытащил санишки,
Снеговые горы
Строят ребятишки.
Уж давно крестьянин
Ждал зимы и стужи,
И избу соломой
Он укрыл снаружи.
Чтобы в избу ветер
Не проник сквозь щели,
Не надули б снега
Вьюги и метели.
Он теперь покоен —
Всё кругом укрыто,
И ему не страшен
Злой мороз, сердитый.
1880 г.

Яков Аким «Первый снег»

Утром кот
Принёс на лапах
Первый снег!
Первый снег!

Он имеет
Вкус и запах,
Первый снег!
Первый снег!

Он кружится,
Лёгкий,
Новый,
У ребят над головой,

Он успел
Платок пуховый
Расстелить
На мостовой,

Он белеет
Вдоль забора,
Прикорнул на фонаре —

Значит, скоро,
Очень скоро
Полетят салазки
С горок,

Значит, можно будет
Снова
Строить крепость
Во дворе!

Афанасий Фет

Мама! глянь-ка из окошка...

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

НПо ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

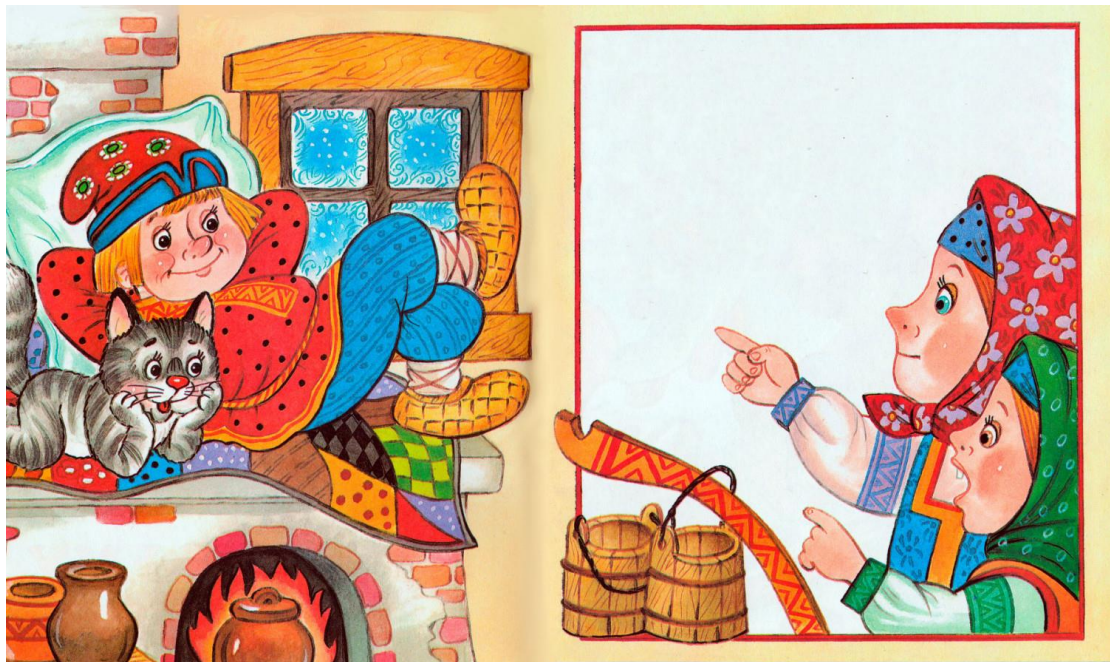
Толстой А.Н. (обработка) «По щучьему велению»

Жил-был старик. У его было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну, ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется:

— На что ты мне понадобишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи — чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только:

«По щучьему веленью, по моему хотенью».

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ступайте, ведра, сами домой...

Только сказал — ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается... Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.

— Неохота...

— Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — поди, топор, наколи дров, а дрова — сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как — мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел во двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он, знай, сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие дрова, а дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера — его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке. А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унес.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого наибольшего вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил наибольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, — тогда он все сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить, — пожалуйста, поедем.

— А мне неохота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну, ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал ее в окошке и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал еще:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

— Ступай, приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В нее посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли — проснулся Емеля, видит — темно, тесно:

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на желтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на желтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — выстройся, каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зеленый сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?» Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — все твое царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Мошковская ЭЭ «Какие бывают подарки»

В подарок
Можно дудеть.
Подарок
Можно надеть.
Подарки вкусные есть.
Мне шоколадка нравится:
Можно подарок съесть,
Золотая бумажка останется.
Подарок
Может взлететь.
В клетке сидеть
И петь.
Подарок
Может ползти.
Плыть.
Плавниками грести.
Но каждый, наверное, хочет
Подарок,
Который ходит!
Который хвостом виляет!
И лает...
Каждый желает!

«Письма Дедушке Морозу»

Наталья Андреевна Майер

Почтальон усатый возит
Письма Дедушке Морозу.
Все конверты не простые,
А с печатью: «Заказные».
Письма есть и от зверей:
От волков, лисиц, ежей,
И от зайчиков-плутишек,
От малюток серых мышек.

От ежа пришло письмо:
«Подарите эскимо,
Можно три и даже шесть,
И седьмое мог бы съесть».
А медведь прислал три строчки:
«Жду в подарок мёда бочку.
Мне ещё бы две корзины
Спелой ягоды малины!»

Пишет лисонька-хитрюга:
«Сыра хочется два круга.
Не жалейте, не скупитесь
И со мною поделитесь!»
Самый крошечный конвертик
Был от мышки: «Ах, поверьте,
Я мечтаю получить
Бус коралловую нить!»

Есть от волка десять слов:
«Мне бы книгу «Рыболов»,
Леску, удочку, крючок,
Для волчат – юлу-волчок!».
Белка вот что написала:
«Я в лесу весь день искала –
Не нашла бельчатам книжку

Про весёлую мартышку».

Зайчик тоже не молчал,
Две строки косой прислал:
«Я мечтаю в Новый Год
Съесть капустный бутерброд».
Письма Дед Мороз прочтёт,
Пожелания учтёт.
И подарки в Новый Год
Всем зверюшкам привезёт!

«Новый год в лесу»

Ирина Гурина

Посреди поляны снежной
Дремлет елка безмятежно.
Словно спящая принцесса,
Королева чудо-леса.

Старый лось зовет зверей:
- Эй, сюда! Скорей, скорей!
Вы забыли? Ведь сегодня
Будет праздник новогодний!

Надо елку наряжать,
За подарками бежать:
А иначе Новый год
Ни за что к нам не придет!

Серый волк несет хлопушки,
Еж – гирлянду и игрушки.
А ушастые зайчишки
Серебрят на елке шишки.

Белка тащит пироги,
Дятел - звезды из фольги.

С неба месяц прилетел,
На верхушку елки сел!

Улыбаясь, Новый год
По сугробам к ним идет!